

В этот момент во дворце царило еще большее беспокойство.

Когда главный евнух и Ла Мэй попали во дворец, император еще не распустил утреннее собрание.

Хотя Ла Мэй - наследница рода Ши, она не может без предупреждения ворваться в главный зал, поэтому Юаньбао пошел сообщить императору о случившемся.

Император делал выговор очередному чиновнику, Юаньбао поспешно вошел с озабоченным лицом. Сотни гражданских и военных чиновников увидели внезапное появление Юаньбао, который не был болен, и в их сердцах и умах понеслись разные мысли.

Юаньбао посмотрел на императора, открыл рот, но не осмелился заговорить.

Императору не терпелось, поэтому он поднял глаза и сердито сказал: "Разве вы с Хань Сянем не отправились расследовать это дело? Чего ты колеблешься? Где Хань Сянь и солдаты, которых я с ним отправил?"

Когда Юаньбао увидел, что император склонен выместить на нем свой гнев, его сердце переполнилось, и он опустился на колени и сказал: "Император прошу простить мои грехи. Старому рабу было приказано пойти с Хань Шидзи в дом Ли к Ли Юю и Ли Чжуну, главе семьи, на которых поступил донос во взяточничестве. Но Хань Шидзи, прибыв в особняк Ли, не стал устраивать допрос или расследование, вместо этого он сразу же приказал все там обыскать."

"Что ты сказал?" Император был потрясен.

Ли Чжун, который стоял там, услышал это. У него перед глазами все потемнело, и он потерял сознание.

Слова Юаньбао заставили двор притихнуть, но упавший Ли Чжун заставил всех оживиться. Независимо от того, были ли это соперники или друзья господина Ли, в этот момент, они все проявили большое беспокойство по поводу его здоровья. Среди этих людей лицо Хань Чжо было самым уродливым, шок и гнев едва ли могли быть скрыты его обычным добрым выражением.

Среди присутствующих был генерал, который долгое время находился на границе и воевал, он знал некоторые меры первой помощи. Увидев эту ситуацию, он шагнул вперед и яростно ущипнул Ли Чжуна за руку. Его действия позволили тому очнуться.

У Ли Чжуна на сбилось дыхание, громко стучало сердце, и кружилась голова, но он уговаривал себя не падать в обморок, иначе упустит лучшее время для слез.

После того, как Ли Чжун очнулся, он опустился на колени, выбрав ближайшее к императору

место и горько заплакал с уверенным выражением лица: “Ваше величество, старый министр верен императору, и суд может это видеть. Если кто-то клеветает на старого министра, обвиняя его в коррупции и взяточничестве, я готов согласиться на проверку Храма Императора Дали, чтобы доказать свою невиновность. Но Хань Шидзи, не имея ни славы, ни указа, как он может обыскивать мой дом по своему желанию? Оскорбление Хань Шидзи старого министра было не только пощечиной в мой адрес, но и пренебрежением монаршей волей и не уважением к императору. Как сын из семьи ученых, хотя я и стар, но я помню наставление родителей, я скорее умру, чем приму такое оскорбление от Хань Шидзи.”

Ли Чжун ударился лбом о пол и заплакал кровью, что нашло отклик у всех придворных при дворе. Хань Чжо вышел из толпы чиновников, опустился на колени и с горечью сказал: “У этого чиновника нет выхода, мой сын не слушается указа, и действуют произвольно. Таким образом, все извлекут из этого урок и в будущем будут считать жизнь императора ничем. Это великая катастрофа. Пожалуйста, отдайте приказ наказать виновника, не потворствуйте этому.”

Слова Хань Чжо прямо подталкивали Хань Сяня к концу. Если Хань Сянь не сможет найти доказательства коррупции Ли Чжуна, определенно не будет никакого способа объяснить свои действия. Если он найдет, то все равно слова Хань Чжо найдут свой отклик. Разве можно, расследуя дело, в первую очередь обыскивать дом подозреваемого? Неужели в этой стране и при этом дворе царит хаос?

Услышав слова Хань Чжо, цензор поспешно опустился на колени, чтобы проанализировать скрытые опасности, вызванные действиями Хань Сяня, и сказал: “Ваше величество, Хоу Хань заявил, что даже если господин Ли действительно коррумпирован и берет взятки, он должен быть проверен, согласно приказу императора. Поскольку Хань Шидзи проявил своеволие, он не видит власти императора в свои глаза, не говоря уже о законах этой страны.”

Император сидел на драконьем троне и смотрел на шумный двор с мрачным выражением лица. В это время, прислушавшись к голосам придворных, он, казалось, понял, что произошло.

То, что сказали эти люди, естественно, разумно, и действия Хань Сяня действительно представляет скрытую опасность.

Император подумал об этом и внезапно встал. Сначала он спросил Ли Чжуна, нужно ли ему вызвать врача. После того, как Ли Чжун со слезами на глазах отказался, император пристально посмотрел на Юаньбао слово и сказал: “Иди и немедленно позови ко мне Хань Сяня”.

Юаньбао поспешно кивнул, и когда он уже собирался встать с колен, он вдруг подумал о Ла Мэй и тихо сказал: “Господин, госпожа Ши все еще ждет за пределами зала.”

Император глубоко вздохнул и приказал: “Впусти ее.”

Юаньбао тихо вздохнул с облегчением, встал, вышел из зала и позволил Ла Мэй войти.

Когда Ши Ла Мэй предстала перед императором, она опустилась на колени и заплакала, рассказывая, как Хань Сянь был груб и высокомерен, как он презирал его величество и просила императора позаботиться о ней и семье Ли.

Император услышал все это, голубые вены у него на лбу вздулись, и он крепко сжал руки. Все вокруг поняли, что если бы Хань Сянь был перед ним, он мог бы убить его на месте.

И именно в этой ситуации Гао Фэн вернулся во дворец.

Когда император, который был в гневе, услышал новость о возвращении Гао Фэна, он немедленно приказал ему войти в главный зал.

В это время Гао Фэн был очень счастлив в своем сердце. Он был просто командиром отряда в теневой гвардии с плохим прошлым и незаметным. Он никогда не думал, что сможет получить много похвал. Это также благословение - на этот раз иметь возможность продвинуться, следуя за Хань Сянем.

После того, как Гао Фэн вошел в зал, он увидел хаос в суде. Ла Мэй и Ли Чжун плакали, и все остальные вздыхали. Зная, что это было вызвано тем, что Ши Ла Мэй пришла жаловаться, но он не придавал этому особого значения.

Только Гао Фэн опустился на колени, и прежде чем он успел рассказать, что видел, он услышал, как император сердито сказал: "Я просил вас помочь Хань Сяню в расследовании коррупции и взяточничества семьи Ли. Кто позволил вам самовольно обыскивать их дом? Где Хань Сянь и остальные?" Сказав это, император яростно похлопал ладонью по драконьему трону.

Когда Гао Фэн услышал внезапный выговор императора, его сердце сжалось, он убрал красоту в свое сердце, а затем осторожно сказал: "Докладываю императору, Хань Шидзи нашел огромное количество серебра в доме Ли. Сумма действительно слишком велика. Из-за нехватки рабочей силы мы не смогли немедленно доставить все серебро ко двору. Хань Шидзи приказал этому слуге сначала вернуться во дворец и объяснить все императору. Он просил императора послать войска, чтобы забрать серебро. Хань Шидзи и мои солдаты, сейчас, охраняют дом Ли, это делается для того, чтобы кто-то не воспользовался возможностью создать проблемы."

После того, как Гао Фэн закончил говорить, в зале воцарилась тишина, как будто это была могила глубоко под землей, и атмосфера была очень гнетущей.

Гао Фэн опустил голову, чувствуя холодный ветер, у него на лбу выступил холодный пот. В глубине души он был зол на Хань Сяня, и втайне ненавидел то, что не мог сдержать дыхание. Слова Хань Сяня заставили его вернуться первым, с желанием попросить у императора награды. Посмотрите на текущую ситуацию. О какой награде можно сейчас просить, хорошо бы головы не лишиться.

Спустя долгое время Гао Фэн услышал, что император, с оттенком замешательства и сомнения, переспросил: “Ты имеешь в виду, что Хан Сянь нашел грязное серебро в особняке Ли? Является ли эта сумма действительно такой огромной? Вам нужно, чтобы я послал войска для его перевозки?”

Гао Фэн не мог понять, что император имел в виду под этим, поэтому ему пришлось рассказать об открытии Хань Сянем секретной комнаты, и примерно назвать количество найденных серебряных таэлей и билетов. Наконец, не решаясь подвести итог, он сказал: “По словам Хань Шидзи, найденное серебряные серебро в сумме составляют примерно пару миллионов таэлей. Не говоря уже о редких сокровищах.”

Когда Гао Фэн рассказал о забавной сцене, когда Хан Сянь случайно обнаружил механизм, открывающий двери в секретную комнату, никто в главном зале не осмелился громко рассмеяться. Ли Чжун смотрел на мрачное лицо императора, дрожа всем телом, и даже не осмеливался снова заплакать.

Он никогда не думал, что механизм, который он так тщательно создал, будет найден таким образом. Вспоминая количество серебра в тайной комнате, и думая о гневе императора, который ему предстояло вынести, Ли Чжун ненавидел то, что он все очнулся, с таким же успехом он мог просто умереть.

“Миллионы таэлей?” Император тихо повторил эти слова, его тон все еще был риторическим, казалось, ему было трудно понять значение этих слов. Он спрашивал себя, но казалось, что он обращается к Гао Фэну.

Гао Фэн уже сказал все, что видел и о чем думал, поэтому он мог только тупо смотреть в пол и не мог произнести ни слова.

Затем император громко рассмеялся. Голова Гао Фэна онемела от внезапного смеха императора. Он уткнулся лбом в пол и не мог понять, нравится это императору или нет. Он все еще чувствовал, что его голова не твёрдо сидит на плечах.

Гао Фэн не мог разгадать мысли императора в данный момент. Ли Чжун, старый лис, все понял. Он потащил свое обмякшее тело, и поспешно прополз вперед на два шага, на этот раз он действительно плакал: “Император будьте милосердны, император ...”

Император выпрямился на драконьем троне, холодно посмотрел на Ли Чжуна и спокойно сказал: “У господина Ли в доме миллионы таэлей серебра? Стоит ли это половины моей казны? Это преданность мне? Можно ли увидеть небо и землю одновременно? Вы бы предпочли умереть, чем быть оскорбленным?” Наконец, император посмотрел на Гао Фэна и приказал: “Гао Фэн выслушай приказ и быстро отведи пятьсот императорских гвардейцев в дом Ли. Заберите все серебро, чтобы каждый чиновник мог на него посмотреть. Все члены семьи Ли должны быть заключены в тюрьму. Если кто-то будет сопротивляться убейте их, несмотря ни на что. Пусть Хань Сянь немедленно возвращается во дворец.”

В этот момент сердце Гао Фэна наконец успокоилось, и он поспешно сказал: "Ваш слуга выполнит приказ." Затем он встал, повернулся и ушел. Он чувствовал, что его ноги немного затекли, но старался не хромать.

Когда Хань Сянь вернулся во дворец из дома Ли, чтобы отчитаться, он принес с собой несколько коробов с более привлекательными вещами, чем серебро. Там была каллиграфия и живопись, золотые украшения, полкороба складных вееров, которые император, возможно, не видел, и Ли Юй, которого только что арестовали охранники в борделе.

<http://bllate.org/book/13913/1226111>